

А КОГДА НА БАТАРЕЮ РАЕВСКОГО ПОШЛИ ТАНКИ...

Пионерский лагерь «Звездочка» географически находился на западном направлении от Москвы, а, точнее, 82 км Минского шоссе. Два километра не доезжая до памятника Зое Космодемьянской, героически погибшей при обороне Москвы 29 ноября 1941 года. Собственно говоря, от «Звездочки» до деревни Хомяки пара километров. Дальше до памятника еще с километр, а там и деревня Петрищево, где и погибла молодая десантница.

Как и в каждом героическом поступке, в его последующем изложении «очевидцами», «хронистами», а также в различных «журналистских расследованиях» остается все меньше правды от того как все было. Это, конечно же, не умаляет героического поступка защитницы, но наводит некоторый флер, порождающий вопросы. Представьте, сколько таких вопросов у мальчугана или девочки 10-15 лет?

В Петрищево мы пешком не ходили, но регулярно, через год экскурсионный автобус, напоминавший коробку с окнами на шасси квадратномордого «газона 51», точь в точь как в фильме «Небесный тихоход», отвозил нас к памятнику Зое, потом в музей, а потом на место казни.

- Не торопитесь, не толкайтесь! – гундел пожилой водитель, открывая никелированным рычагом единственную дверь возле водительского кресла.

А разухабистая детвора в парадной форме и коленками, испачканными зеленкой, словно горох вываливалась в это время из его шарабана.

- А что же сделала, Зоя? – спрашивал у экскурсовода пионер с цыплячьей шеей, торчащей из воротника белой рубашки с красным галстуком – Она их всех взорвала и не успела убежать? Правда? – суча ножками, допытывался юный краевед.

Двадцать пять таких же мальчишек и девчонок, ожидавших рассказ о фатальных разрушениях, нанесенных гитлеровской армии девушкой, заброшенной на парашюте в лес, приплясывали на месте, стараясь держать строй и сохранять остатки дисциплины.

Нынешнему поколению, выросшему на боевиках с «железным Арни», Слаем и другими яркими представителями голливудской гвардии спасителей мира и творцов собственных армагеддонов не понять, что героизм девушки заключается не в том, что бы поджечь конюшню или коровник, из-за которого ее изловили крестьяне и, как сегодня нарушителей порядка отводят в полицию, так и тогда, ее отвели в полицию. Героизм девушки проявился в другом.

Во-первых, она сама, добровольно записалась в диверсионную группу, окончив курсы радисток.

Во-вторых, когда группа рассеялась по лесам, она одна самостоятельно начала действовать, стараясь нанести урон врагу, осаждающему столицу государства Москву. Девчонка, в зимнем лесу, в мороз! Кто-то может повторить?

В-третьих, перенеся надругательства и пытки, она умерла, сохранив честь и достоинство, продемонстрировав офицерам вражеской армии нестигаемый дух советского народа.

Тут у любого европейского солдата хочешь ни хочешь возникнет мысль: «А на тех ли мы замахнулись, если даже девчонки жертвуют жизнью, и так беззаветно идут в бой с врагом?»

Короче, не всегда экскурсоводы могли доходчиво

донести до пионеров, в чем же все-таки заключался подвиг Зои. Может быть причиной была излишняя переутомленность, или дети отвлекались и не смогли уловить главной мысли... Но, одним словом, что-то было не совсем так, как надо.

Надо отметить, что западное направление исстари было дорогой неприятельских войск к сердцу России – Москве. Поэтому, большинство исторических мест также было связано с войной, хоть с Великой Отечественной 1941-1945 гг, хоть с наполеоновскими 1812 года, и названия они носили героев тех битв - Дорохово, Палашкино, Тучково...

Сегодня, выезжая из Москвы по Минскому шоссе, нельзя не заметить справа арку с надписью «Старая Смоленская дорога». Та самая Старая Смоленская дорога, по которой пришел Наполеон, и по которой его погнали обратно.

Известная с XIV-XV вв. как кратчайший путь в Европу, она только в конце 40-х годов была приведена в рабочее состояние, обеспечивая движение от Минска до Москвы. При ее строительстве активно использовался труд заключенных, в братских могилах, расположенных на всем ее протяжении по разным данным захоронено до 100 тыс. человек.

Помнится, когда ехали в 70-х годах в автобусах из лагеря в Москву в районе Одинцово хорошо был виден комплекс зданий, который мы называли «дача фельдмаршала Паулюса».

Плененный под Сталинградом фельдмаршал даже не успел получить полагавшиеся ему погоны и жезл. Их ему впоследствии вырезали из липы пленные офицеры вермахта. Гитлер рассчитывал, что приняв высокое звание, Паулюс застрелится, поскольку «фельдмаршалы в плен не сдаются». Однако он не застрелился, и летом 1944 года был переведен на объект № 35/В «Озе-

ра», бывшую дачу купца Корзинкина, перешедшую после революции в ведение НКВД. Сначала это был дом отдыха чекистов среднего уровня. Бывал здесь даже В.И. Ленин. Во время Великой Отечественной Войны здесь была организована школа подготовки диверсантов, а совсем в конце войны сюда перевели плененного фельдмаршала.

- А какие песни вы знаете? – спросила вожатая сидящих в автобусе пионеров.

- Пионерские? – спросила девочка с заднего сиденья.

- Можно и пионерские! А можно и просто любимые, – вожатая явно провоцировала ребят на хоровое исполнение – может, что бы скоротать дорогу, а может просто для поднятия командного духа.

- А я вот про любовь знаю, можно? – спросила все та же девочка с веснушками на лице.

- А почему нельзя? Любовь – это хорошо! – ответила вожатая, - Запевай!

Откашлявшись и прибрав волосы на голове, девчушка заголосила:

- Девушка в платье из ситца
Каждую ночь мне снится.
Не разрешает мама твоя
Мне на тебе жениться!
Лай-ла-ла-лай, ла-ла-ла-ла...

Кто-то из девчонок пытался поддержать певунью, но все равно выходило как-то по-сиротски.

- Мальчики, что ж вы не поддержите? Зориков, Панченко? Вы что, петь не умеете? – вожатая явно пыталась раскачать публику в автобусе, - Ну, же!

- Не-а, мы не умеем! – пискнул дискантом Зориков.

- Это не наше! – сказал Панченко.

- Мы без баяна мелодии не слышим. У нас мелоди-

ческий кретинизм! – вставил веско и безапелляционно Полковник.

Ошарашенная слегка подобным отношением вожатая опешила.

- А кретинизма на построение у вас нет? Или кретинизма на уборку территории? Вообще, вы в лагере, чем заниматься думаете? – она все распалялась и распалялась.

Не известно, чем бы все это закончилось, если б не вмешался кружковод Сергей. Он сопровождал группу пионеров на экскурсию. Большинство мальчиков в автобусе были его кружковцы, строившие планеры, кордовые и свободнолетающие модели.

- Это чего, банда, вы петь не умеете? А если вместе со мной! – и он лихо подхватил за девчонкой слова песни:

- Был бы хотя бы ты плотник,
Или жестянщик, иль банщик,
В крайнем случае, милиционер,
Но только не барабанщик!

Не получив ожидаемого отклика от мальчишечьей части автобуса, он между куплетом и припевом добавил:

- Кто не поет, тот в кружок может не приходить!

В следующее мгновение, показалось, что в автобусе едет на экскурсию Краснознаменный хор Российской Армии имени А.В.Александрова. Полтора десятка пацанов во все горло орали:

- Лай-ла-ла-лай, ла-ла-ла-ла...

Девчонки на задних сиденьях приободрились и вместе с вожатой уже смелее выводили слова куплета, несколько изумленные произведенным эффектом. Кружковод Сергей тоже подпевал, делая вид, что это само собой разумеющийся результат. Все так и должно было случиться, просто кто-то забыл щелкнуть выключателем.

Автобус возвращался из города Звенигород, где стоял в запустении построенный в 1398 г. на горе Стороже Саввино-Сторожевский монастырь, так похожий на кремль в фильме «Иван Васильевич меняет профессию». Нагулявшись по монастырю, набегавшись по монастырским стенам, пионеры возвращались в лагерь.

- А что там за церковь? – спросил Полковник, - Вот бы посмотреть!

Действительно, за окном автобуса уже давно мелькала старая разрушенная церковь, то прячась за изгибом Москвы-реки, то укрываясь кромкой леса.

- Чего, старых церквей не видел что ли? – спросил кто-то из мальчишек, - Нам к полднику еще успеть в лагерь нужно!

- Полдник ни куда не денется! – подхватил тему Сергей, - А можем мы к той церквушки подъехать? – обратился он к водителю.

Сказать, что водитель был не в восторге от инициативы, - это не сказать ни чего. Он сморкался, чихал, говорил про то, что у него бензина в обрез, что надо к полднику успеть. Однако весь автобус с таким энтузиазмом отнесся к возможности посмотреть церквушку, что старый водитель дрогнул и повернул на проселок.

Церковь, наполовину разрушенная, стояла у дороги как «Летучий Голландец», с проломленным, обвалившимся куполом и расстрелянной колокольней. Вывалившись из автобуса, ребятня полезла на руины, не смотря на окрики вожатой. Сергей же, перейдя дорогу, постучал в калитку стоявшего напротив дома.

- Доброго здоровья, дедуля! Попить водицы не найдется? – спросил он у появившегося на крыльце старичка в валенках, - Мы тут с экскурсии возвращаемся, да церковь вашу увидели издалека. Может кто-нибудь про нее ребятишкам рассказать? Пионеры, горячие сердца! Все им знать хочется!

Неторопливо сойдя со ступеней, дед подошел к калитке.

- И вам не хворать! Воды вон, целый колодец! Бери да пей! – скупым жестом показав на свежевыкрашенный сруб, откликнулся дед, - А рассказать и я могу! – и он вышел за калитку.

Оказалось, что дед-то здесь и воевал в 1941-1942 гг.. Линия обороны как раз проходила через деревню, где стояли советские части. А колокольню использовали то артиллеристы для корректировки огня, то снайперы. В ответ немецкие войска били по ней из орудий, от чего храм и пострадал.

- И долго еще после войны можно было найти на полях и в лесу ее отголоски, - завершил рассказ дедуля.

- Ну, вот, - несколько разочарованно подумали мы, - Столько ехали, и ни какой романтики!

- Романтики конечно ни какой, а вот что я тут по полям да лесам насобираю могу показать! – сказал дедуля, приглашая нас в сарай рядом с домом.

Не в восторге от такого приглашения мы все же проследовали на двор, откровенно посматривая в сторону автобуса. Чего там смотреть – две три ржавые каски, да полведра стреляных гильз мы и у себя в лагере у корпуса Толмачини можем накопать!

Открыв дверь сарая, дед первым вошел и зажег свет. После яркого солнечного света в темном сарае ничего не было видно, но вот глаза привыкли и...

Перед нами ровными пирамидами стояли винтовки, карабины, автоматы, ручные пулеметы. На стене висели пистолеты и ракетницы. На полке были сложенные и упакованные в ранцы парашюты. Каски обеих армий стояли стопкой как ночные горшки. Две или три горы составляли противотанковые и противопехотные мины. Пулемет Максим стоял на полу, гордо подняв ствол, словно говоря: Первую мировую прошел,

Великую Октябрьскую социалистическую революцию прошел, Вторую мировую войну тоже прошел, и как огурец! Конечно, были экспонаты, тронутые ржавчиной, но основная часть экспозиции ухожена, хоть сейчас в бой.

Такого мы не видели даже в музее Советской Армии в Москве!

- Деда, а потрогать можно? - робко попросили мы.

- Потрогать, конечно, можно, но, чур, не баловать! – и он сердито поднял вверх указательный палец правой руки.

Конечно, больше всего хотелось потрогать немецкий автомат и пистолет «Вальтер». Наш легендарный ПППШ тоже пользовался популярностью. Однако дед, деликатно выждав, пока мы удовлетворим свое любопытство, тихонько сказал:

- Не тем интересуетесь, сынки! Не то вас должно привлекать!

И он достал простые эбонитовые, металлические и деревянные пенальчики. Отвернув головку, он достал свернутую трубочкой пергаментную бумажку, на которой химическим карандашом были написаны каракули.

- Деда, а что это такое? Что за письма? – спросила девочка-запевала.

- Это, внучка, не письма, это души солдатские! Каждый имел при себе такую капсулу, а в ней на бумажке было написано его имя, рождение, откуда родом, что б можно было опознать и родным сообщить! – тяжело вздохнув, сказал дед, - А я вот, видишь, хранитель этих душ! Кого-то нашел, а большинство, так нет. Вот и не знаю, что с ними делать! В Военкомат сдать, что ли?

Как бы ни было нам весело, пока щелкали затворами оружия и нажимали на спусковые крючки, но выходили мы из сарая печальные. Все же война не развлечение, а ее наследие – тяжелая ноша.

Поблагодарив хозяина за рассказ, за экскурсию в его частный музей, которым можно было вооружить небольшую армию, мы сели в автобус и поехали в лагерь.

Сначала ехали молча, пока девчонка с заднего сиденья не затянула песню:

- Последний раз

Сойдемся завтра в рукопашной,

Последний раз России сможем послужить,

А за нее и умереть совсем не страшно,

Хоть каждый все-таки надеется дожить!

Еще немного, еще чуть-чуть!

Последний бой - он трудный самый!

А я в Россию, домой хочу!

Я так давно не видел маму!

В этот раз ни кого не надо было упрашивать – все пели прочувствованно, осознанно.

Наша банда выделялась мальчишечьими голосами, в которых еще не слышались мутирующие нотки взрослых ребят.

Очень хотелось еще раз вернуться к той церкви, к деду с его музеем в сарае. Хотелось разобраться с капсулами – солдатскими жетонами, помочь в поиске родных и близких павших за родину героев. Забегая вперед, скажу, что больше к той церкви, к тому деду мы ни разу не попали.

Экскурсии в лагере были всегда – и на место гибели легендарного генерала Доватора за городом Можайск, и в город Верея, и в Звенигород. Одной из любимых была экскурсия на Бородинское поле. Вот уж где можно было побегать и порезвиться – просторы бескрайние!

Около здания музея-заповедника «Бородинское поле» нашу группу, прибывшую на автобусе, ждал экскурсовод. Среднего роста мужчина в скромном ко-

стюме и рубашке без галстука был сдержан в эмоциях, закрывшись от брызгавшей энергией и вопросами ребятни створками скромной вежливости. Рассказывал он негромко, монотонно, словно трехпрограммный радиоприемник, вещающий про вести с полей.

Следствием этого стала совершеннейшая потеря интереса к его рассказу и начало самостоятельного ознакомления с экспозицией. Вожатые и кружковод Сергей, сопровождавшие пионеров не могли его покинуть и из вежливости ходили с ним рядом. Вся ребятня, напротив, отбегала и прибегала, стараясь все посмотреть и до всего дотронуться.

Стараясь охватить наиболее интересные моменты Бородинского сражения, произошедшего 26 августа (7 сентября) 1812 года, наша группа забивалась в автобус и ехала то на Багратионовы флеши, то в Спасо-Бородинский женский монастырь, основанный вдовой генерала А.А. Тучкова — М.М. Тучковой (1781—1852) на предполагаемом месте гибели ее мужа в 1812 г.. Многие из нас уже бывали в Бородинской панораме и видели уникальную картину Франца Рубо, но пройти по самому полю и почувствовать широту тех мест, где русская армия фельдмаршала М.И.Кутузова дала решающее сражение армии императора Наполеона — это было совершенно иное восприятие.

Наша совершенно неуправляемая группа, передвигаясь на автобусе, достигла места, где были воссозданы элементы оборонительных сооружений — окопы, блиндажи, землянки. Ребятня мгновенно просочилась по ходам сообщения знакомиться с оборудованием командного пункта, а жидкая группа из экскурсовода, вожатой, сопровождающего кружковод и двух-трех пионеров медленно передвигалась, стараясь занять позицию, с которой можно было контролировать остальных экскурсантов нашего автобуса.

- Ожесточенный бой за ключевой пункт поля сражения — Курганную батарею генерала Раевского, проходил вот там, левее, - нудил свою песню про Бородинскую битву 1812 года экскурсовод, - Контратаку русских частей на французов, ворвавшихся на батарею, возглавил генерал Ермолов. Здесь во всей красе проявилось слава русского оружия и бесстрашный характер русского солдата. А когда на батарею Раевского пошли немецкие танки...

Экскурсовод зудел безостановочно и монотонно, словно слепень над ухом. Раньше он пропускал знаки препинания, а тут начал путать целые эпохи.

Кружковод Сергей затряс головой и принялся к воздуху. Посмотрев, заметил ли кто-нибудь еще, с какой легкостью в ходе изложения наш гид тасует времена и сражения, он обнаружил, что какая-либо отрицательная реакция на лица слушателей отсутствует, только вежливый интерес к говорящему.

- На этом наша экскурсия подошла к концу. Спасибо за внимание! Есть ли вопросы? – подвел итог своей работе и нашему откровенному пофигизму экскурсовод, взглянув на вожатую.

Поправив галстук и стряхнув с лица вежливую дрему, та поблагодарила его дежурными словами, за которыми слышалось: Наконец-то все закончилось!

Однако в этот момент, когда все собрались расходиться, долговязый пионер в очках совершенно инфантильно задал вопрос:

- Скажите пожалуйста, а что русские «Единороги» (пушки) с батареи Раевского пробивали броню немецких «Тигров»?

Поняв, что во время своего рассказа сказал что-то не то, экскурсовод вышел из своего сомнамбулического состояния. В его глазах загорелся живой интерес – ведь ни кто не слушал, ведь все бегали, шалили и интереса

не проявляли, ведь этим сорванцам лишь бы побегать, а история до фонаря! С интересом поглядев на пионера, задавшего вопрос, он долго подбирал подходящий ответ.

- Русское гладкоствольное артиллерийское орудие-гаубица «Единорог» было изобретено в 1757 году русским артиллеристом М. В. Даниловым и к 1941 году уже было снято с вооружения русской армии, так что по танкам стреляли из 85-мм зенитной пушки образца 1939 года, единственной пушки, которая в то время могла пробить броню «Тигра» на большом расстоянии.

- А что пушек ЗИС-3 не было на Бородинском поле? – не унимался пионер.

- На вооружении Красной армии в 1941 году стояла только 57-мм ЗИС-2, которая пробивала броню любого немецкого танка – защищал честь своего мундира экскурсовод, - но поскольку она была сложна в изготовлении, ее массовое производство началось только в 1943. Пушка зарекомендовала себя блестяще на Курской дуге против тяжелых немецких танков. Дивизионная пушка 76-мм ЗИС-3 конструкции Василия Гавриловича Грабина поступила на вооружение только во второй половине 1942 года.

- А-а-а! – понятливо протянул пионер, - Тогда все ясно, спасибо!

Экскурсовод достал из кармана пиджака большой носовой платок и вытер им лоб.

- Какие у вас продвинутые дети! Откуда такие познания? – сказал он, обращаясь к пионервожатой.

- Да толкаются целыми днями между пионерской комнатой и библиотекой. У нас там как в артиллерийском хранилище, всяких снарядов выставлено десятка три. Это те, что при строительстве лагеря нашли! – ответила вожатая, расценивая вопросы пионера как само собой разумеющийся факт, не требующий объяснений.

- Спасибо вам, с вами было очень интересно! – поблагодарил экскурсовод, и вышел из автобуса.

- Все на месте? Тогда запевай! – скомандовал кружковод Сергей.

Автобус затарахтел по дороге в лагерь.

- Ма-ру-ся! От счастья слезы льет!

Как гусли душа ее поет!

Кап-кап-кап... - тяжелым коровьим басом голосил Зориков.

- Чего это с Андрюхой? – спросил Серега, - Простыл что ли – голос какой низкий?

- Не-а, просто вырос уже, мутации голоса начались! – отозвались мы.

- Маруся! – голосил Зориков.